

бища я столкнулся с группой ребят, которая шла с учительницей. Ребята оказались из далекой провинции, из Ульяновской или Саратовской области, я сейчас уже не помню. Они ходили совершенно растерянные — человек двенадцать-четырнадцать. Подошли ко мне и, не зная, понимаю ли я по-русски, спросили: «Вы не скажете, где могила Галича?» Сначала мы прошли мимо могилы Тарковского, я показал им могилу Андрея, а потом подошли к могиле Галича. И вдруг одна из девочек обратилась ко мне: «А вы его знали?» Я говорю: «Знал». — «Расскажите». Я стал рассказывать. Это были дети тринадцати-пятнадцати лет, не московские, не петербургские...

— Я знаю, что в Венеции за содержание могил Дягилева и Стравинского платят, как ни странно, все-таки наше посольство. А кто платит за могилы на Сен-Женевьев-де-Буа?

В. Г.: Наследники многих вносят плату за сохранность могил. Есть могилы, оплату которых взяла на себя мэрия Парижа, насколько я знаю, в их числе могила Тарковского. Могила Галича оплачивается нами. При жизни Владимира Емельяновича Максимова, когда он был редактором «Континента», эту миссию оплаты и сохранения могилы взял на себя «Континент», а теперь мы передаем туда деньги.

Н. К.: Когда приезжает Тая Максимова и привозит фактуру — квитанцию на оплату, потому что французы не хотят иметь дело с россиянами. Это небольшая сумма. Тая работает не только о могиле Галича, но еще о нескольких других, и Владимир Емельянович лежит рядом.

— Валерий Аркадьевич, я хотел спросить о вашем отношении к Галичу как драматургу, сценаристу, Галичу в кино.

его первых пьес — «Походный марш» («За час до рассвета»). И еще я относился с восторгом к пьесе «Матросская тишина». Судьба «Матросской тишины» вам известна, она подробно описана самим же Галичем в его «Генеральной репетиции» и была по сути дела трагической: это судьба так и не осуществившейся пьесы. Я бесконечно благодарен Олегу Табакову, который у себя, в своей «Табакерке», решил поставить, восстановить «Матросскую тишину», причем убрал, наверное, справедливо для сегодняшнего дня, последний акт. Вчера мы разговаривали с Табаковым по телефону, он говорил, что 17 числа театр уезжает на гастроли в Киев, где 19-го они будут играть «Матросскую тишину». А в марте театр едет на гастроли в Париж, и они везут только один этот спектакль. Потому что, как мне рассказывали, и в Штатах, и во Франции «Матросская тишина» прошла с большим успехом.

— Валерий Аркадьевич, а как Галич относился к вам как к профессионалу?

В. Г.: Когда мы с Шукшиным снимали картину «Живет такой парень», я позвал Сашу — с разрешения Шукшина, естественно, — посмотреть материал, задолго до монтажа картины. Мы еще не кончили снимать. И Саша пришел в полный восторг от одного эпизода, который, к сожалению, так и не вошел в картину. Это эпизод, когда Паша Колокольников идет к разведенке Лизуновой, ждет и видит: сидят они вечером, крестьянская семья, и молча едят. Это была такая длинная молчаливая сцена, как люди едят и даже не глядят друг на друга, и сказать им нечего... Но потом сцена выпала. А Сашка говорил Васе Шукшину, что это одна из лучших сцен картины и, так

Шукшина в песнях Галича? Почему Шукшин несколько раз просил меня: «Валь, поедим к Саше?»

Да, мы приезжали и сидели втроем — Галич, Шукшин и я. И Шукшин просил: «Саша, спойте что-нибудь».

— Это какие годы?

В. Г.: Это примерно 66-й, 65-й. Шукшин был человеком молчаливым, но все пропускать через себя. Все чувства выражались у него на лице, начинали ходить скулы, он был, наверное, немножко сентиментальным, у него увлажнились глаза, он всегда слезинку кулаком смахивал, такой характерный жест.

Слушали песни Сашки. Потом Шукшин молча поднимался, говорил: «Поехали». И мы уезжали. Ни слова не было сказано — ни «спасибо», ни критики, ни оценки, ничего. Таких поездок было три, а может быть, четыре. Мы работали над фильмом и вдруг: «Валь, поедим к Саше».

Так вот, я задал вопрос на Шукшинских чтениях: зачем это было нужно Шукшину, когда, в общем, все это как бы не его? Но только как бы... — Галич не отказывался петь в любых компаниях? В. Г.: Бывали компании, про которые он знал, что там

может быть, четыре. Мы работали над фильмом и вдруг: «Валь, поедим к Саше».

В. Г.: Бывали компании, про которые он знал, что там

Там, в заоблачной стране,
мир и тишина.

Там часами на стене
на небе луна.

Проплывет прощальный
звон,

прогулят басы...
Знай, что это первый сон,
пробили часы.

Поблдеет небосклон,
разойдется мгла.

Первый сон, последний сон —
вот и ночь прошла.

Первый сон,
последний сон,
счастья на гроши.

Если вдруг раздастся плач —
плачут малыши.

Мир чудес и мир тревог
где-то там, внизу.

Ну, а нам поможет Бог
переждать грозу.

Александр ГАЛИЧ

Вот звенит прощальный
звон —

бьют колокола.

Первый сон,
последний сон —
так и жизнь прошла.

1977
Публикуется впервые

*Подарок на прощание мне был —
какая поездка куда-нибудь...
А мне все равно, куда он поедет?
А мне — бы отправился в путь...
Мы скажи на прощание, как всегда?
Мне неслыханно милые фразы...
А мне все равно — о чем и за что?
А мне — бы в последний раз!
Мне бы не пошлеть ни зуб божий,
ни руку...
Не зря же этого лица...
А мне все равно, кто сейчас поедет?
Всего боюсь как колеса!*

Степанов

«Валенька, закрой форточку». Мама всегда по этому поводу волновалась, нервничала, хотя была вообще-то человек мужественный. А больше всего ей нравилось «Когда я вернусь». Как известно, эта песня была написана еще здесь, до отъезда. Мама цепенела, слушая ее.

— А когда появилась гитара в руках Александра Аркадьевича? В. Г.: Он играл на рояле, очень хорошо подбирал. С листа играл какие-то серьезные вещи. В доме у нас всегда было пианино, много всяких нот, в том числе дореволюционных. А во время войны, когда происходили поездки фронтовых бригад, фронтового театра и невозможно было брать с собой пианино, — очевидно, в этот момент и началась гитара...

У него собралось несколько разных гитар. Одна из них сейчас в доме у Нинки, другая у Татьяны Ивановны Лещенко, которая живет до сих пор в Москве, и дай ей Бог здоровья и сил, еще гитара у Толи Шагиняна в Париже.

— То есть Галич увез с собой одну гитару? В. Г.: Он увез одну гитару. Это опять моя зрительная память. Никогда в жизни не забуду, как кончились эти проводы в «Шереметьеве» — в нынешнем «Шереметьеве-1».

Длинный стеклянный коридор — пустой. Саша шел один, в руке у него была гитара, мы уже вышли из помещения, и нам был виден этот коридор стеклянный. И он шел по стеклянному коридору, поднимая гитару, махал этой гитарой. По сути дела мы его хоронили. Потому что в то время уезжать значило уезжать навсегда. Так и случилось.

— А если оценить неопубликованное наследие Галича: что это такое? Хотя бы в общих чертах? Н. К.: Часть архива на Западе, я его читала. Архив надо соединить и профессионально обработать. И делать это надо не в свободное от службы время. И не в одиночку.

— И последний вопрос, Валерий Аркадьевич, о стихотворении, которое вы мне показали. В. Г.: Его откопал Толя Шагинян в Париже. И передал нам. Я ему безумно благодарен.

— Очень бы хотелось опубликовать... В. Г.: Это будет первая публикация.

— Спасибо.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

*Питерский музыковед, ныне подданный США, вместе с Галичем профессионально и дотошно записал музыку его песен. (Комментарий Н.К.)

Везучий Галич

Его песни о главном
не стали старыми

Перечитывая Шкловского, я споткнулся о фразу, от которой пахло чем-то вроде мистики. Юрий Тынянов, пишет Виктор Борисович, любил изречение Александра Галича: «Пашквиль — это высочайший жанр». Тынянов?.. Галича?..

Нет, за рассудок свой я не испугался. Тынянов отнюдь и не предвидел, и не предсказывал явление этого, нашего Галича, конечно, имел в виду его тезку, профессора русской словесности в Царскосельском лицее. Связи меж этим и тем — никакой... Хотя — как знать? Дружа с Александром Аркадьевичем Галичем, для меня — Сашей, многие годы, не догадался спросить у него, повлиял ли учитель Пушкина, Дельвига, Кюхли на выбор литературного псевдонима; казалось, схема его возникновения очевидна: Гинзбург Александр Аркадьевич. А сейчас вдруг подумал, чем черт не шутит? Не зря же мой друг гордился полусерьез, что явился на свет 19 октября, в день Лицея...

Впрочем, не совпадение имен поразило меня при чтении Шкловского. Пасквильантом, клеветником называл нашего Галича советский офицер, но и те, кто любил его песни, стихийные антисоветчики, тоже обычно не шли дальше того, чтобы увидеть в них «пашквиль» — на сей раз в старинном значении, ничуть не ругательном для «пашквильянта». Просто — сатиру. Мало кто различал тут признаки «высокого жанра», подлинной поэзии.

Вообще любопытно, какую шутку играет истинное искусство с теми, кто взялся его хулить. «Мародером» ни больше ни меньше назвали Галича, исключая из Союза писателей; назвали за то, что он, уцелевший, даже не хлебнувший ГУЛАГа, говорил от имени лагерника или солдата, подлинного поэта.

История, и злободневность. Но еще и всегдашность. Пофантазируем без удержу: даже если в России вдруг возьмут да отучатся пить на троих, если исчезнет воспетый Галичем ритуал, разве гениальная песня-элегия перестанет пронзать пониманием самоценности частного быта, частного бытия? Некрикливой, естественной независимости? «Не трожьте его! Не надо! Пускай человек поспит!» «Дайте нам право на шепот, — просил персонаж любимого Галичем Эрмана. — Вы за стройкой даже его не услышите».

Да, «жанр» — то бишь преобразившийся «пашквиль», сатира, взлетевшая до высот лиризма и эпики. И судьба, что правда, то правда, высокая. Но сказать ли: счастливая? Не скажу, дабы не кощунствовать, но пусть ей завидуют со стороны: «Повезло, повезло!»

Этот монолог отчаянной зависти вылился из-под пера Юрия Нагибина при известии о гибели его бывшего друга. «Сделали высокую судьбу.. Повезло...» Будто выдуло мусорным ветром эрудицию, упустившую в этот миг самую лестную и коварную из аналогий. А именно: «Вот пример настоя-

шей удачливости... Что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу.. Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обесчленил бессмертие...» Словом: «Повезло, повезло!» Напоминать ли, что это в «Мастере и Маргарите» стихотворец Рюхин обращается на Страстном к монументу великому тезке обоих Галичей?

Несравнимых — не сравниваю, но есть формула, общая для непроданных талантов: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их...» (Пастернак — из Тициана Табидзе). Вот это — прямо про Галича. Про то, как благополучие автора «песок» — так выглядело на поверхности, куда не доходили скрипы и стоны запрещенных спектаклей, удрученных замыслов, — под могучим влиянием пробудившегося высокого дара сменилось судьбой диссидента, друга Андрея Сахарова, изгоя и эмигранта. Вплоть до нелепой смерти в Париже, за которой следует гибель и экзотичной красавицы Нюши, Ангелины Николаевны, сгоревшей во время пожара тамашней же квартиры...

Как двадцать лет спустя случается-читается этот «высокий жанр»? Как отпечаток минувшей истории, где наш кощунливый муж «товарища Парамоновой» кается на собрании, а гегемон Клим Петрович снабжает колочей проволочкой «весь наш соцлагерь»? Или как новая злободневность? Ну, скажем, когда те же, «без толку зазря» павшие в 43-м под Нарвой встают из мерзлых могил на зов трубы и видят всего лишь начальственную охоту, — а мы не можем не думать о новых бессмысленных жертвах и новых хозяевах, жирющих и пирующих на костях. Да, и история, и злободневность.

Но еще и всегдашность. Пофантазируем без удержу: даже если в России вдруг возьмут да отучатся пить на троих, если исчезнет воспетый Галичем ритуал, разве гениальная песня-элегия перестанет пронзать пониманием самоценности частного быта, частного бытия? Некрикливой, естественной независимости? «Не трожьте его! Не надо! Пускай человек поспит!» «Дайте нам право на шепот, — просил персонаж любимого Галичем Эрмана. — Вы за стройкой даже его не услышите».

Да, «жанр» — то бишь преобразившийся «пашквиль», сатира, взлетевшая до высот лиризма и эпики. И судьба, что правда, то правда, высокая. Но сказать ли: счастливая? Не скажу, дабы не кощунствовать, но пусть ей завидуют со стороны: «Повезло, повезло!»

● Станислав РАССАДИН

ПУШКИНА

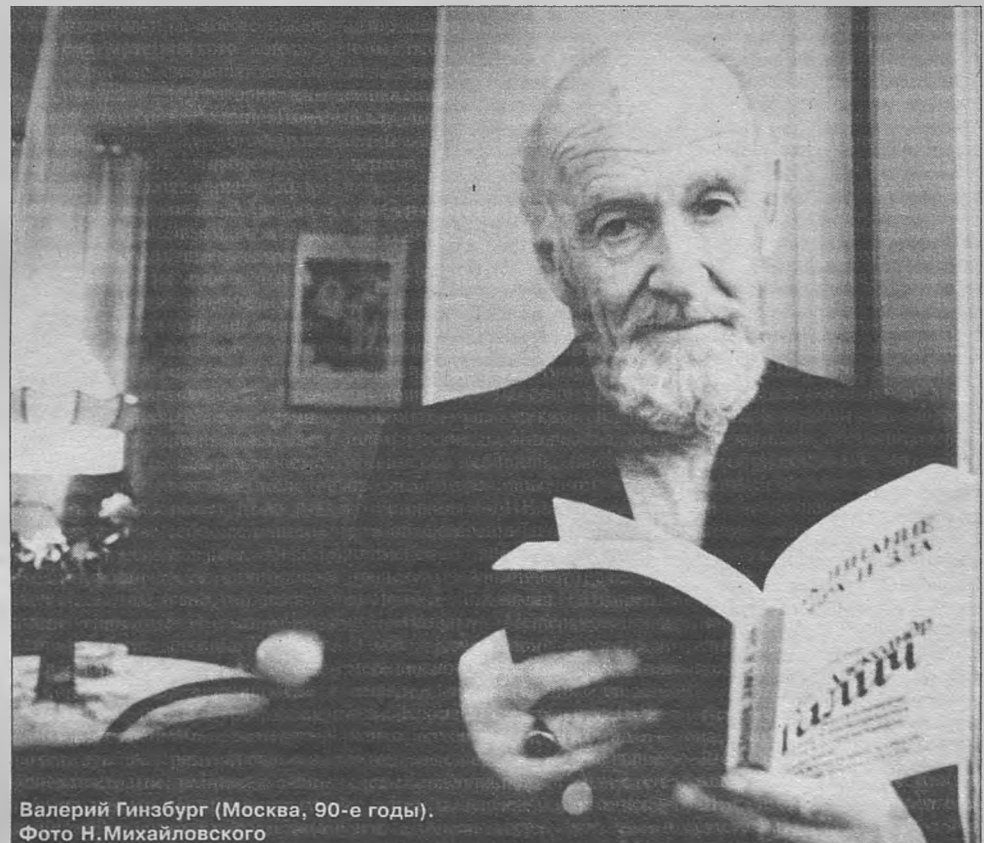
Ведь здесь у вас явное пересечение профессиональных интересов. Что вы думаете об этой его работе?

В. Г.: Я относился ко всем его пьесам и сценариям без большого пиетета и восторга. Очень любил одну из

сказать, беречь ее надо как зеницу ока.

В одну из поездок на Алтай во время Шукшинских чтений мне пришлось выступать в Барнаульском университете, и я задал ученым мужам вопрос на засыпку: «Что могло привлекать

сидят стукачи, и его абсолютно это не смущало. Смущало нашу маму. Когда Саша приходил домой на какие-то семейные праздники, а семейные праздники проходили всегда у нас на Бронной, и Саша брал с собой гитару, мама говорила:

Валерий Гинзбург (Москва, 90-е годы). Фото Н. Михайловского